

УДК 821.512.142.09 «1917/1991»

ББК 83.3 (2=Као) 6

С 90

Сурхаева А. А.

Соискатель кафедры литературы и журналистики Карачаево-Черкесского государственного университета им. У.Д. Алиева, бухгалтер отдела образования администрации Карачаевского муниципального района, e-mail: Asurkhaeva@yahoo.com

Чанкаева Т.А.

Доктор филологических наук, профессор Института Дружбы народов Кавказа, г. Ставрополь, e-mail: tchankaeva@mail.ru

**Проблемы свободы и несвободы личности в повести
А. Малышева «Горный обвал»: исторические реалии,
общечеловеческие и национальные черты
(Рецензирована)**

Аннотация:

Рассматривается в рамках традиционной проблематики тема свободы и несвободы карачаевского народа. Отмечается, что «Горный обвал» впервые становится предметом научного анализа. Выявляется художественная специфика определяемых предметов и понятий, прослеживается усиление драматизма сюжета повести и точность описаний, делается акцент на сложных ситуациях в жизни героев. Установлено, что повесть о войне и депортации смогла выразить основные типологические тенденции в художественных поисках литераторов и публицистов региона.

Ключевые слова:

Свобода, несвобода, этнодепортация, жизнь, судьба, достоинство, возвращение, национальные реалии, спецпереселенцы, символ, мотив, выселение.

Surkhaeva A.A.

Competitor of Literature and Journalism Department of Karachay-Cherkess State University named after U.D. Aliyev, the accountant of Education Department of the Karachay Municipal Area Administration, e-mail: Asurkhaeva@yahoo.com

Chankayeva T.A.

Doctor of Philology, Professor of Institute of Friendship of Peoples of the Caucasus, Stavropol, e-mail: tchankaeva@mail.ru

**Problems of freedom and unfreedom of the person in the story
«A Rockfall» by A. Malyshev:
historical realities, universal and national lines**

Abstract:

The theme of freedom and unfreedom of the Karachay people is examined within a traditional perspective. The story «A Rockfall» for the first time becomes a subject of the scientific analysis. The authors identify the art specifics of the defined subjects and concepts and trace strengthening the dramatic nature of a plot of the story and accuracy of descriptions, placing the emphasis on difficult situations in life of heroes. It is established that the story

about the war and deportation could express the main typological tendencies in art searches of writers and publicists of the region.

Keywords:

Freedom, unfreedom, ethn deportation, life, destiny, advantage, return, national realities, special immigrants, symbol, motive, eviction.

В прозе о депортации сосредоточились духовно-нравственные и эстетические искания литератур, в которых доминировала концепция человека, оказавшегося в трагической ситуации, и поставлены проблемы, требующие художественного осмысления. «Локальная потребность народа в свободе» - отличительная черта горцев [1: 9]. Свобода есть предпосылка и цель деятельности человека, она есть условие общения с миром и высшая ценность. «Свобода» - один из основных компонентов национальной и русской картин мира.

Повесть А.А. Малышева «Горный обвал» (2000), не нашла в свое время путь к массовому читателю и стала объектом научного исследования сравнительно недавно. Социальные явления действительности воздействуют на сознание людей, влияют на переосмысление устоявшихся привычных стереотипов. Русский писатель Алексей Малышев рассказал в повести о народной трагедии – этнодепортации. Прошло более полувека, но на протяжении времени картина злодеяния не стерлась, а приобрела историческую и социальную обусловленность, наполнилась новыми смыслами, ассоциациями, заставила новое поколение искать свое видение этой трагедии. С карачаевским народом писатель прожил многие годы и созданное им произведение наполнено мыслью о горе, скорби, которые живут и будут жить и напоминать о бесценности жизни, верности родной земле.

В 1990-е годы особенно оживились воспоминания людей, прошедших через злодеяния, муки ада, тернии переселения, и писатели-публицисты региона обратились к этой теме. Как результат этих воспоминаний стало опубликованное на карачаевском языке публицистическое произ-

ведение Ф. Байрамуковой «Книга скорби» - рассказ о горькой правде выселения народа. Так и в повести А. Малышева «Горный обвал» на конкретных достоверных фактах ставятся концептуальные проблемы: в чем ценность человека, благодаря каким качествам человек сохранил свое достоинство в условиях несвободы, не повторится ли в будущем трагическая история, ущемляющая права и свободы человека, целых народов? Концепция человека осмысливается на исторических фактах, общечеловеческих концептах (жизнь, судьба, смерть, совесть, достоинство, свобода, несвобода, семья, дом, свой/чужой, пространство, время); мотивах смерти, жизни, противоборства добра со злом. Герои с разными мироощущениями в своей речи часто опираются на одни и те же концепты, воплощающие общенациональное начало. В повести представлены национальные реалии, этноопределители, используются национально маркированные слова (джашчык, аланы, чилле, джайлау и др.), называются исторические лица (Залитхан Эркенова, Мудалиф Каракозович Батчаев, секретарь райкома М.Суслов и др.), географические и топонимические названия (Клухорский перевал, Гаралькол, Теберда и т.д.). Документальность и публицистичность являются характерными особенностями авторского стиля и включают замедленность повествования, перебивку времени, ассоциативные связи.

В экспозиции главы «Изгнанники» действие разворачивается в поселке Теберда, куда в конце сентября прибыли на отдых войска наркомата внутренних дел. Из облисполкома в Совет пришла телефонограмма (автор скрупулезен в раскрытии фактов): согнать весь скот, колхозный и частный, с ферм и кошей в посе-

лок для переучета - готовилась акция насильственного выселения. Жители поселка, объединенные военными заботами, не могли предположить, что им придется покинуть родные насиженные места.

Как подчеркивал А.Некряч, депортация карачаевцев проводилась в то время, когда подавляющее большинство мужчин воевали в рядах Красной Армии. Поэтому более 50 % депортированных составляли дети до 16 лет, более 30 % - женщины и около 15 % - мужчины (в основном старики) [2: 27]. Высокая степень социальной солидарности людей друг к другу отличает героев повести. А.Малышев рассказывает, как в истории, в личной судьбе в период культа личности правда попирается и отступает перед безрассудством. «В образно-символической системе органически совмещаются жесткие реалии с их философским осмыслением, экзистенциальная проблематика и напряженные историсофские размышления автора о судьбах народов-переселенцев» [1: 11].

Сцена выселения в повести дана с большим мастерством. Зачитанное постановление правительства Джоджур с недоумением выслушал. Сыновья его были на фронте, двое из них погибли, один – в партизанах, и поэтому он не мог понять, в чем его вина. «Но постановление касается всех без исключения, - отчеканил офицер, - на сборы дается двадцать минут... Взять продукты на три дня и теплую одежду. Только самое необходимое» [3: 61]. О таком факте можно прочитать и в книге Р.Конгуэста «Народоубийцы: советская депортация малых народов» [4: 68].

«Ведь то, что случилось с горским народом, было почти то же самое, если бы весь народ попал под огромный горный обвал» [3: 77]. У Джоджура «возникло знакомое, давно пережитое им ощущение опасности от падающей скалы, от неизбежности обвала, под которым он теперь оказывается вместе со своей семьей. В нем нарастало то чувство отчаяния, когда человек знает – от гибели уйти невоз-

можно» [3: 61]. Этот образ-символ несет большую смысловую нагрузку, и он встречается у других поэтов и писателей, например, К.Кулиева:

*Когда тяжесть беды на плечах, как обвал,
Нес, в теснинах блуждая, мой крепкий народ,*

*Ту же тяжесть неся, я одно повторял:
«Все равно тень орла на скалу упадет!»* [5: 27].

Образ птицы (орла) ассоциируется у А.Суюнчева с неустанным стремлением к свободе.

*Все стерпеть помогает надежда слепая, -
Протянула к Кавказу незримую нить,
Где шуметь будут реки, на скалах вскипая,
Где орлы с вышины будут край мой хранить.*

По словам Элиота: «Сознание поэта – поистине воспринимающее устройство, которое улавливает и хранит бесчисленные переживания, слова, фразы, образы, остающиеся в нем до той поры, пока частности, способные соединиться, создавая новую целостность, не окажутся совмещенными в нужной последовательности» [6: 163].

А.Малышев повествует о том, что люди недоумевали, считали этот акт какой-то ошибкой. В поселке находились и только что вернувшиеся из госпиталя фронтовики, и вдовы, и матери погибших солдат, и дети. Во дворе Джоджура сборы в дорогу подходили к концу. Умару – отцу Джоджура – было 95 лет, он был болен, немощен, не мог осмыслить ситуацию. Его подняли с кровати, взяли под руки и повели в машину. «Я хочу оглянуться на дом, на горы. Может быть, я их больше не увижу» [3: 63]. *Старик предчувствовал, что ему на самом деле не вернуться. «И несмотря на рыдания, стенания и мольбы, семью за семьей спуска час сажали в грузовики, которые доставляли их к месту сбора, а затем, снова под конвоем, - на железнодорожную станцию, где их грузили в вагоны для скота», - указывал Григорий Бурлуцкий, де-*

зертировавший подполковник НКВД, принимавший участие в высылке карачаевцев в 1943 году, свидетельствовавший в интервью «Голосу Америки» [7: 27].

После отъезда, - как рассказывает А. Малышев, - в опустевшем поселке, во дворах, ревел брошенный скот, были привязанные собаки. Все оставленное людьми имущество, вещи военные конфисковали. Автор стремится к изображению правды, к документальной летописности, к художественно-социальной хронике, к повествованию о конкретном событии, психологическому драматизму, изображению личности в критических ситуациях. В этих моментах фиксации раскрывается суть трагедии депортированного человека, его сознание и психология. Осознание экстремальных обстоятельств выселения потребовало показа действий, ситуаций, отсюда изображение внутреннего мира героев отходило на задний план.

В пути на крутом повороте из рук молодой матери, прикорнувшей у заднего борта машины, нечаянно выпал на дорогу завернутый в одеяло ребенок. Мать в отчаянии закричала, потеряла сознание (Этот случай был в основе повести А. Суюнчева «Благородные сердца». Мимо одного и того же жизненного эпизода не могли пройти оба писателя). Все находившиеся здесь люди стали просить офицера остановиться, поискать девочку, но тот отказался остановить машину. Мать, придя в себя, в отчаянии громко рыдала. Обращение к образам женщины, ребенка было обусловлено общественно-политическими и нравственными задачами.

Вагоны для перевозки скота заполнялись по пятнадцать и более семей. А. Малышев подчеркивает такую деталь - снаружи наглухо закрылись вагоны и до самой ночи, пока поезд тронулся, люди находились в этой душегубке. Морально было очень трудно: неведение дальнейшей жизни, никто не знал, куда их везут. Тяжело читать строки о том, что двое суток не открывались двери вагонов, что было не-

выносимо душно, и как в дороге умирали люди, их не разрешили хоронить. Как повествует автор, такие условия люди не выдерживали, умирали, трупы забирали санитары и где-то потом закапывали. Никому не было дела до того, что чувствовали родственники умерших, понимая, что они не могут совершить обряд и проводить их в последний путь. «Из поколения в поколение передавалось, что «на родине земля священна, а вода целительна» и что горец никогда не должен бросать могилы предков» [3: 77].

Автор скупыми штрихами рисует психологическую атмосферу эшелона переселенцев. Трогательно описан эпизод, когда на руках у матери умерла маленькая девочка, а она держала мертвое тельце на руках, чтобы не догадались окружающие и не забрали труп санитары. Так ей удалось довести тело до места поселения и захоронить. Подобный случай описан в песнях о выселении, созданных народом в период изгнания (сборник «А из наших глаз капала кровь», 1990). Песни-плачи сосланных в Среднюю Азию выстроены по традиционной модели жанра плача с использованием новых художественных образов и изобразительных формул.

Дорога, трясущиеся вагоны - «движущаяся могила для едущих в нем людей». Джоджур ощущал, что «душу и тело его словно перемололи мельничные жернова» [3: 69]. Концепт «дорога» соединен с концептом «судьба», и все окрашивается нотой трагизма: дороги бесконечные, утомительные. Концепт «дорога» связывается с горем и страданием (в этом же ключе ведется повествование в народных песнях-плачах). Для переселенцев - это дорога скорби и страданий. В русской поэтической традиции дорога связывалась обычно с горем, расставанием, томительным ожиданием, одиночеством. Это отражено в сказочном и былинном эпосе, в пословицах, в поговорках, в поэтических текстах. В таком же

ракурсе преподносит А.Малышев дорогу, подобно судьбе человеческой.

Люди в нечеловеческих условиях сохраняют человеческое достоинство - автор делает акцент на этом, как на главной ценности личности. Писатель достоверен в показе фактов. В вагонах ехали и роженницы, военные одну из них взяли прямо с койки областной больницы, и у нее ничего не было с собой. Ей помогали попутчики чем могли. В пути у нее родился мальчик. «Ему не дано было знать своей родины, его лишили родины со дня рождения», – в этих словах автора вложены боль и негодование [3: 12]. Соплеменники идут на выручку, сочувствуют, проникаются к судьбе обездоленной, хотя сами измученные, голодные, больные, завшивевшие, отрешенные, безразличные. Здесь мы видим ценности трансцендентные, социальные, национально-культурные и личностные, что вызвано самой действительностью. В годы депортации своей внутренней жизнью люди защищали свое человеческое достоинство, поддерживали друг друга, участвовали в судьбе ближнего, закаляли свой дух и терпение.

Автор ведет читателя по пути, по которому следуют спецпереселенцы. Так миновало восемнадцать суток, которые люди находились в пути, когда наконец выяснилось, что эшелон направляется в Южно-Казахстанскую область. Автор точен в описании местности. На станции Келесская переселенцев встречали представители колхозов, осматривали семьи, как рабов, отбирали и брали с собой тех, у кого было больше рабочих рук.

Очень тяжело привыкнуть к местам, «где бесправье и гнет / Ожидает и впредь мой несчастный народ...» (А. Суюнчев). Семьи Джоджура и Рамазана (на них автор сосредоточил повествование), где были старики и много внуков, не хотели брать. Путь пролегал по пустыне на верблюдах, вокруг была совсем незнакомая местность, пески, желтая вода (совершенно противоположные их малой родине). На чужби-

не люди лишились своего определенного уклада жизни, своей культуры, языка, традиций. Ценность свободы для автора безусловна: «Лишь свобода открывает путь к совершенству. Но идеал свободы неотделим от сопутствующего ей драматизма. Свобода достигается наращиванием связей и взаимодействий с миром» [1: 9].

При выселении вся тяжесть беды обрушилась на стариков. То уважение, с которым автор показывает старых людей, художественно оправдано. На семнадцатые сутки после приезда в совхоз умирает старый Умар. Аксакал не смог смириться с чужбиной, не выдержало сердце такого потрясения. Этот образ старика величествен и ассоциируется с образом старика Дэрба в поэме адыгейского автора И. Машбаша «Гром в горах». Для горского этикета важно, «как ты носишь доброе имя отца и матери, честь всего рода. Это нравственное качество выработано веками» [8: 2]. Старики Умар, Дэрб – достойные сыны своего рода, которые были всегда верны родной земле и данному слову.

Автор повести «Горный обвал» показывает путь, по которому должен пройти народ, испив чашу бедствий до конца. Герои мужественно переносят противоречия и конфликты бытия. Для спецпереселенцев труд выступает в качестве условия физического выживания. Скупыми художественными средствами автор выражает «общее горе высланных народов, от своего имени раскрывая духовный мир человека, оказавшегося на чужбине, но живущего верой в то, что ему когда-нибудь удастся вернуться в родные края» [9: 86]. Спецпереселенцы-кавказцы жили в одном пространстве и с военнопленными – немцами и итальянцами, а также «неблагонадежными» русскими, репрессированными в 1936 году из Ленинграда, среди которых было немало интеллигенции. Писатель отмечает, что они доброжелательно относились к карачаевцам, предупреждали их, чтобы не пили сырую воду (об этом никто не информировал ранее), так как свирепствовала дизентерия,

распространялись малярия и тиф. Люди не выдерживали таких условий жизни, умирали - похороны были чуть ли не каждый день. Общее настроение «наказанных народов» выражено, например, в цикле стихотворений Азамата Суюнчева «Песни изгнания». Профессор Русского исследовательского центра Гарвардского университета (США) А. Некрич в своей работе «Наказанные народы» писал: «Сколько небывших и прямой лжи наговорено со времен второй мировой войны о народах, насильственно изгнанных с родных мест!» [10].

А.Мальшев с болью повествует о том, как людям было морально трудно привыкать к унижительному положению, оскорблениям от местных жителей: переселенцев называли бандитами, головорезами и др., их проклинали, проявляли по отношению к ним агрессию. «Уделом всех этих отверженных людей была нищета, голод, болезни и полное бесправие, а для многих - гибель...» [3: 78]. Неприязнь, враждебность долго сохранялись, пока местное население само не убедилось в трудолюбии, мирном настрое горцев. Автор сосредоточился на морально-этических аспектах жизни переселенца, драматизм повествования стал особенностью идейной эмоциональной оценки, показом контраста жизни спецпереселенцев и отношения к ним местных жителей, поэтому особое внимание уделялось социально-психологическому состоянию личности.

Спецпереселенцы, как отмечает автор, были бесправны и беззащитны. Они не могли передвигаться в другой район, село (за нарушение режима подвергались тюремному заключению). Джоджур рассуждал о том, что его семья хотя бы была с ним, а у других и семьи оказались разрозненными. И каждый горец тосковал по родине. «Только бы обнять наши родные камни. А потом можно и умереть» [3: 78]. Такие факты жизни людей на чужбине автор высвечивает: два раза в неделю переселенцы обязаны были отмечаться в комендатуре, а позже надзиратели стали прове-

рять их реже (один-два раза в месяц).

«Тяжко жилось Джоджуру. Его по-прежнему угнетало крепостное состояние, в котором находился он и другие переселенцы. Изнурительные сны с горным обвалом изредка еще посещали его, но теперь по знакомому ущелью Гаралы-кол бежал он, спасаясь от падающих скал, не один, а со множеством людей, знакомых и незнакомых. С ужасом видел, что почти все они гибнут под обвалом, лишь немногим удается спастись. Он всегда оказывался в числе выживающих, но почему-то радости спасения не ощущал. Оставалось неизменное отчаяние: если погибло столько людей и среди них все его близкие? Просыпаясь, подолгу не мог прийти в себя, понять, что произошло: в действительности ли это или почудилось сонному? Убеждаясь, что был лишь сон, раздумывал, почему его сны столь вещие?» [3: 77]. Воспоминание о родине выступает в роли структурно-повествовательного компонента, вбирающего трагическую проблему времени. После переезда семьи Джоджура в Киргизию, где предгорный климат все-таки был ближе к родному, в жизни наступил какой-то просвет. Карачаевцы были заняты, главным образом, в земледелии, животноводстве и на других физических работах. «Тоска по родным местам не давала покоя... желанием... было... вернуться на родину, взглянуть на горы и остаться у могил своих предков» [3: 101].

С 1956 года, еще до вышедшего указа, горские народы стали возвращаться на родные земли. «Встреча людей с покинутой малой родиной было драматично. Старики падали на колени, обнимали ту землю, где когда-то они жили и где похоронены их предки, целовали заросшие мхом кладбищенские камни, обмывали лицо, руки, ноги прозрачной горной водой, о которой мечтали все эти годы... жадно вдыхали свежий воздух своего горного края» [3: 106]. Автор не мог оставить своих героев в изгнании и возвращает их в родную Теберду. После возвраще-

ния Джоджур опять увидел сон с горным обвалом, но теперь они не спасались от падающей скалы, а «стояла мирная тишина, и рядом со скалой тихо журчала прозрачная вода, та самая, о которой многие годы тосковали изгнанные люди, и ласково светило солнце - оно давало тепло и надежду на лучшую жизнь» [3: 117]. Концепт «дом» как философская, морально-этическая категория составляет гармонию между человеком и миром. Но там на чужбине категория разрушена; мир нестабилен, лейтмотивом была тема потери пространственных и временных ориентиров, а ассоциация с деталью геоприродного окружения человека конструируется только на Кавказе, где был отчий дом, родина, близкая душе природа.

А. Малышев в своей повести выступил как транслятор социальных ценностей, таких, как справедливость, милосердие, право, равенство. Художественная концепция свободы личности, социокультурная и этнонациональная идентичность стали духовной основой произведения. Социальные права являются важным составляющим конституционного права личности. Своим словом писателя-публициста автор дал обоснованную и объективную оценку государственной политики 40-х - начала 50-х годов XX века, поставил проблемы противостояния социальной несправедливости в защиту прав человека, призывал к бережному сохранению памяти, вновь заставляя задуматься об истинных ценностях жизни.

Примечания:

1. Исакова А.Н. Идеал свободы и драма свободы в поэзии С. Куняева // Вестник Московского государственного университета им. М.А. Шолохова. Филологические науки. 2013. Вып. 4. С. 5-11.
2. Депортация Советами карачаевцев - тюркско-мусульманского народа Северного Кавказа в 1943 году // Эльбрусид. 2012. С. 25-32.
3. Малышев А.А. Горный обвал. Черкесск: Полиграфист, 2000. 119 с.
4. Конгуэст Р. Народоубийцы: советская депортация малых народов. Нью-Йорк, 1970. С. 101-108.
5. Кулиев К. Афганистан болит в моей душе...: воспоминания. М., 1990. С. 27.
6. Элиот Т.С. Назначение поэзии. Статьи о литературе. Киев; М.: AirLand: Совершенство, 1996. 352 с.
7. Депортация Советами карачаевцев ...
8. Панеш У.М., Панеш С.Р. Структурно-стилевые особенности поэм И. Машбаша («Гром в горах», «Память») // Вестник Адыгейского государственного университета. Сер. Филология и искусствоведение. Майкоп, 2012. Вып. 1. С. 57-60.
9. Созаева Т.Д. Феномен оптимизма северокавказской поэзии 50-х годов XX века (К. Кулиев, Д. Кугультинов, А. Суюнчев // Культурная жизнь юга России. 2008. № 4 (29). С. 86-88.
10. Некрич А. Наказанные народы. Нью-Йорк: Хроника, 1978. 170 с.

References:

1. Isakova A.N. The ideal of freedom and the drama of freedom in S. Kunyayev's poetry // The Bulletin of Moscow State University of M.A. Sholokhov. Philological sciences. 2013. Iss. 4. P. 5-11.
2. Deportation of the Karachais, the Turkic and Muslim people of the North Caucasus, by the Soviets in 1943 // Elbrusoid. 2012. P. 25-32.

3. Malyshev A.A. The rockfall. Cherkessk: Poligrafist, 2000. 119 pp.
4. Conquest R. The nation killers: the Soviet deportation of small nationalities. New York, 1970. P. 101-108.
5. Kuliyeв K. My soul grieves for Afghanistan...: memoirs. M., 1990. P. 27.
6. Eliot T.S. The purpose of poetry. Articles on literature. Kiev; M.: AirLand: Sovershenstvo, 1996. 352 pp.
7. Deportation of the Karachais ...
8. Panesh U.M., Panesh S.R. Structural and style features of poems of I. Mashbash («A thunder in mountains», «Memory») // The Bulletin of the Adyghe State University. Series «Philology and the Arts». Maikop, 2012. Iss. 1. P. 57-60.
9. Sozayeva T.D. The phenomenon of optimism of the North Caucasian poetry of the 50th of the XX century (K. Kuliyeв, D. Kugultinov, A. Suyunchev // The cultural life of the South of Russia. 2008. No. 4 (29). P. 86-88.
10. Nekrich A. The punished nations. New York: Chronicle, 1978. 170 pp.